

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Письмо изъ Россіи.

Страшно трудно писать о Россіи и особенно о церкви: такъ случайны и отрывочны сейчасъ всѣ наблюденія, такъ ограниченъ личный опытъ, особенно для человѣка, стоящаго вдали отъ руководящихъ церковныхъ круговъ. Если и рѣшаюсь на это, то въ убѣжденіи, что за рубежомъ ощущается огромная потребность знать правду о родинѣ, и какъ ни трудно дается эта правда, все же есть не мало вещей — простыхъ фактовъ — ускользящихъ отъ далекаго взора, которые несомнѣнны для всякаго, живущаго въ Россіи. Не легко лишь провести въ изложеніи строгую грань между этимъ, для всѣхъ насъ несомнѣннымъ, и личными впечатлѣніями, оцѣнками, гаданіями, при всемъ желаніи отъ нихъ отрѣшиться.

Внѣшній режимъ, въ которомъ живетъ сейчасъ церковь, можетъ быть названъ временемъ выдыхающагося гоненія — переходное время, какъ все сейчасъ въ Россіи. Невыносимо тяжела моральная атмосфера въ странѣ, выходящей изъ революціоннаго циклона. Улегшіяся страсти классовой ненависти смѣнились острой жаждой наслажденій, нестѣсняемой никакой религіозной или общественной уздой. Хищенія и казнокрадство въ правящей средѣ, ренегатство среди интеллигенціи и развратъ среди молодежи, грубый житейскій матеріализмъ народныхъ массъ, широкій отпадъ отъ церкви, отъ Бога, отъ самой идеи религіозности, — вотъ печать среды, по новому языческой, которой противостоитъ сжавшаяся, но окрѣпшая въ гоненіяхъ церковь. Представляя себѣ церковь на фонѣ національной жизни, никакъ нельзя забывать о происшедшемъ мучительномъ разрывѣ. Народная жизнь (о національной мы пока говорить не въ правѣ) не освящается церковью и все еще отталкиваетъ ее.

Антихристіанская власть, повидимому, отказалась отъ мысли сломить церковь грубымъ насиліемъ. Въ этой борьбѣ государство, несомнѣнно, понесло тяжелое моральное пораженіе. Храмы не опустѣли, общины вѣрующихъ сплотились тѣснѣе,

чѣмъ когда-либо, вокругъ своихъ пастырей. Духовенство дало изъ своей среды не мало мучениковъ и исповѣдниковъ, которые кровью и подвигомъ своимъ укрѣпили церковное единство. Церковь оказалась сильнѣе гонителей, и имъ приходится, въ борьбѣ за политическое существованіе, дѣлать уступки тѣмъ низамъ, которые еще дорожатъ церковью и не хотятъ отъ нея отказаться. Сейчасъ уже не разстрѣливаютъ священниковъ и мало стѣсняють культъ. О полной свободѣ говорить, конечно, не приходится. По прежнему запрещаютъ крестные ходы и время отъ времени, по мнимому требованію «трудящихся», кое-гдѣ закрываются храмы. Въ тѣ дни, когда административная ссылка приняла массовой характеръ, и чуть не ежедневно поѣзда увозятъ въ Сибирь, въ Соловки сотни студентовъ, солдатъ, купцовъ, интеллигентовъ, даже марксистовъ и сіонистовъ, было бы странно, если бы не ссылали священниковъ. Но эти, часто ничѣмъ не оправдываемые акты насилія, носятъ личный характеръ: въ основѣ ихъ обычно — доносъ какого-либо живоцерковца-конкурента. ГПУ явно предоставляетъ въ репрессіяхъ инициативу обновленцамъ. Уже ссыльные епископы и священники, отбывъ срокъ заточенія, возвращаются въ свои епархіи и приходы, укрѣпляя колеблющихся, собирая вѣрныхъ, внося, съ собой духъ мужественнаго исповѣдничества.

Коммунистическая власть продолжаетъ считать борьбу съ Богомъ одной изъ главныхъ своихъ задачъ; но она предпочитаетъ убивать духъ, а не плоть — въ школѣ, въ литературѣ (спеціальное издательство «Атеистъ», журналъ «Безбожникъ»), въ театрѣ — сильная своей монополіей культуры и необычайно развитымъ аппаратомъ пропаганды. Кошунства попрежнему являются признакомъ благонадежности, однако публичныя безчинства комсомольцевъ признаны вредными, и власть старается обуздать разошедшагося хулигана. Теперь не поощряють разрушенія и оскверненія могилъ на кладбищахъ (въ Петербургѣ пришлось даже возстановливать разбитые памятники литераторовъ на Волковомъ кладбищѣ), и Бухаринъ долженъ былъ во всеуслышаніе объявить: «Не всякій, кто гадитъ подъ окнами у деревенскаго попа, ведетъ антирелигіозную пропаганду». Политика «лицомъ къ деревнѣ» заставляетъ власть даже отказаться отъ финансовыхъ притѣсненій сельскаго, особенно низшаго духовенства.

Церковно-обновленческая «реформація» перестала остро мучить церковь. Ея вождямъ не удалось увлечь ни массы, ни идейныхъ сторонниковъ реформъ. Съ одной стороны, они натолкнулись на обрядовый консерватизмъ, съ другой — на христіанскую совѣсть, которая не прощаетъ имъ пролитой крови и союза съ безбожіемъ. Въ ихъ рукахъ теперь уже не много храмовъ — хотя почти всѣ соборы въ столицахъ и провинціи, — и храмы эти пусты. Съ ними честолюбивая или запуганная часть духовенства, да немногіе бытовые прихожане, которые по лѣности или привязанности къ своему приходу, идутъ въ ближайшую церковь и отказываются вникать въ слоры «поповъ», — лишь бы служили правильно, по старому... Ну и служить!

Служать иногда по двумъ стилямъ, повѣряя праздники, чтобы угодить на всѣ вкусы. Если послушать проповѣди ихъ заурядныхъ батюшекъ, то въ нихъ почти никогда не встрѣтишь революціоннаго паѳоса (какъ у Введенскаго и другихъ вождей). Преобладаютъ наставленія о покорности власти, «которая всегда отъ Бога», да жалобы на нетерпимость противниковъ. Словомъ, здѣсь явно слышится духъ не революціи, а совсѣмъ иной — ветхій и затхлый духъ синодально-консисторской безпринципности. Однимъ изъ положительныхъ послѣдствій раскола было очищеніе церкви отъ этихъ слабыхъ и корыстныхъ элементовъ духовенства.*) Но ГПУ пользуется фактомъ церковнаго раскола. Онъ компрометируетъ церковь въ чуждыхъ ей кругахъ и даетъ власти механизмъ для внутренняго наблюденія и давленія на православную церковь.

Въ одномъ отношеніи совѣтская власть можетъ быть спокойна, кажется, дѣйствительно успокоилась. Ей нечего бояться заговоровъ духовенства и политической агитаціи въ храмахъ. Думается, что не простая осторожность и тактическія соображенія объясняютъ эту подлинную «аполитичность» русской церкви въ настоящей моментъ. Ея вниманіе, ея главныя силы направлены на духовную жизнь. На известной аскетической и мистической высотѣ, достигнутой и выстраданной за эти годы, вопросы политическаго строя даже историческихъ судебъ Россіи перестаютъ волновать глубоко. Здѣсь готовы предоставить Провидѣнію пути спасенія родины тѣмъ болѣе, что революція и произведенные ею социальныя перевороты въ русской жизни окажутся слишкомъ сложными, чтобы къ нимъ можно было отнести съ простымъ отрицаніемъ — или пріятіемъ. Среди вѣрныхъ церкви массъ есть не мало людей, боровшихся въ гражданской войнѣ въ рядахъ красной арміи или сочувствовавшихъ ей. И «бѣлые» и «красные» встрѣчаются въ церкви въ общей молитвѣ и у евхаристической чаши. Церковь мудро избѣгаетъ растравлять еще свѣжія раны политическихъ страстей и предлагаетъ пищу вѣчную, не на сегодняшній только общественный день.

Но вытекающая изъ этого аполитизма «лѳояльность» церкви по отношенію къ совѣтской власти, разумѣется, не означаетъ ея нейтральности по отношенію къ коммунистической идеѣ. Борьба съ коммунистической идеологіей и этикой (не съ политикой и экономіей) ведется повсемѣстно и неослабно, представляя обратную сторону защиты христіанства. Только остріе своего духовнаго оружія проповѣдникъ направляетъ не въ политическую партію, царящую въ Россіи, а въ самый духъ творимой въ Россіи культуры. И, конечно, духъ этотъ, самъ по себѣ, и шире и глубже своего русскаго коммунистическаго выявленія.

*) Я не касаюсь здѣсь болѣе остраго вопроса объ Украинской церкви («самосвятахъ»), которая имѣетъ опору — не въ массахъ — но въ націоналистической интеллигенціи, являющейся на югѣ, въ городахъ нѣкоторой общественной силою.

Итакъ, церковь выходитъ побѣдительницей изъ эпохи гоненія и раскола. Это безспорно: но какъ учесть и оцѣнить ея завоеванія? Растетъ ли церковь числомъ, укрѣпляясь и очищаясь качественно? Въ какихъ общественныхъ слояхъ находитъ она наибольшее число вѣрныхъ? Вотъ вопросы, на которые легче всего отвѣтитъ наблюдателю въ Россіи.

Конечно, по прежнему, входя въ храмъ, чувствуешь, что это всенародная святыня. Нигдѣ въ Россіи, раздѣленной классовыми перегородками, исключительно суровыми, нельзя почувствовать кромѣ какъ въ церкви, освобождающей радости единенія, общенія — хотя бы кратковременнаго — многихъ, разныхъ, далекихъ другъ другу людей. Но видъ молящейся толпы уже не тотъ, что десять лѣтъ тому назадъ. Уже «сермяжная», простонародная Русь не заполняетъ храма. Сильно замѣтно — въ городѣ — преобладаніе интеллигенціи. Разная эта интеллигенція, и разными путями пришла она въ церковь. Есть, разумѣется, среди нея люди, нашедшіе въ церкви утѣшеніе въ безчисленныхъ утратахъ, есть люди, ищущіе здѣсь опоры для оскорбленнаго національнаго чувства. Но есть и другіе — бодрые и молодые, которые принесли сюда не горечь и боль, а любовь и надежду, нерастраченный порывъ юнаго энтузіазма. Не мало священниковъ и епископовъ выходятъ теперь изъ свѣтскихъ круговъ. Было бы не вѣрно сказать, что интеллигенція преобладаетъ — численно, но она замѣтно окрашиваетъ церковную среду. На окраинахъ въ церковь ходитъ много рабочихъ (сравнительно мало солдатъ), всюду замѣтенъ слой торговыхъ людей, растущихъ вмѣстѣ съ хозяйственнымъ возрожденіемъ страны и наиболѣе сохраняющей, какъ внѣшній обликъ старой Руси, такъ и консервативныя традиціи.

Много ли вѣрующихъ осталось въ Россіи? Да, много. Но составляютъ ли они большинство или меньшинство въ странѣ, трудно сказать. Слѣдуетъ остерегаться ошибокъ въ ту или иную сторону. Точныхъ цифръ здѣсь быть не можетъ, судимъ только по посѣщаемости храмовъ. Они полны, но не переполнены. Считаюсь съ тѣмъ, что многіе храмы, занытые обновленцами, пустуютъ, ясно, что въ церковь ходитъ меньше людей, чѣмъ до революціи. И, пожалуй, это число не растетъ замѣтно. Страшные годы 1917—1920 были для многихъ временемъ обращенія къ церкви. Съ тѣхъ поръ обращенія не часты. Оставшаяся внѣ церкви интеллигенція теперь не увлекается къ ней общимъ потокомъ; она зарылась въ старыхъ окопахъ позитивизма или поглощена погоней за матеріальными благами. Среди городской бѣдности съ успѣхомъ работаютъ баптисты и разные «братцы», соблазняя простотой моральной проповѣди и часто строгостью личной жизни. Замѣчательная противоположность культурнымъ слоямъ, гдѣ и толстовство и гнозисъ (въ видѣ разныхъ толковъ теософіи) и недавнее увлеченіе католичествомъ растаяли почти безслѣдно, и гдѣ православная церковь вобрала въ себя, повидимому, всѣ религіозно живыя и вѣрныя христіанству души. Одно утѣшительно: знать, что среди всей многолюд-

ной толпы, наполняющей храмъ, «не встрѣтишь мертваго листика», по слову Тютчева: нѣтъ никого, кто пришелъ бы сюда изъ приличія или по долгу службы («долгъ службы» многихъ еще удерживаетъ внѣ церкви — какъ въ арміи), а молятся здѣсь, какъ можетъ быть, никогда прежде не молились.

Иное видишь въ деревнѣ: говоря о деревнѣ, особенно чувствуешь ограниченность своихъ наблюдений. Вѣдь всѣ они относятся къ мѣстностямъ по близости желѣзныхъ дорогъ, связанныхъ съ городской культурой. Несомнѣнно, есть въ Россіи медвѣжьи углы, гдѣ жизнь течетъ такъ, какъ она текла вѣка, которыхъ революція почти не коснулась. Но много ли осталось такихъ угловъ, при грандіозности переворота, поднявшаго самую толщу народныхъ низовъ?

Итакъ, въ доступной нашему наблюденію деревнѣ поражаешься пустотой храмовъ. Въ церковь ходятъ почти однѣ женщины и старики. Молодежь усвоила уроки атеизма. Среднее поколѣніе, пережившее войну, исколесившее всю Россію, побывавшее нерѣдко въ Европѣ въ плѣну, — вынесло изрядную долю скептицизма и, во всякомъ случаѣ, равнодушіе къ религіи. Деревня сейчасъ только переживаетъ эпоху «просвѣщенія», безъ особаго, впрочемъ, энтузіазма. Мужичкѣй здравый смыслъ инстинктивно не довѣряетъ теоріямъ, за которыя хватается, какъ за откровеніе, городской рабочій, но онѣ все же разлагаютъ основы его міросозерцанія. У крестьянина остается лишь хозяйственный смыслъ жизни, и деревня сейчасъ съ упорствомъ и жадностью зарывается въ землю, утративъ ощущеніе ея таинственнаго материнства и за землей забывая о небѣ. Въ скептической неувѣренности и въ сознательномъ консерватизмѣ своемъ деревня дорожитъ церковью, какъ обрядовымъ институтомъ. Рѣдко (почти никогда) дѣвушка не выйдетъ замужъ безъ вѣнчанія, и этому деревенскому «предразсудку» должны подчиняться и коммунисты. Въ церкви крестятъ, отпѣваютъ, вокругъ нея справляютъ шумно и праздно традиціонные праздники. Глыбы этнографической обрядности, почти языческой — а за послѣдніе годы на сѣверѣ язычество, т. е. двоевѣріе, кажется переживаетъ своеобразное возрожденіе — уживаются съ новымъ строемъ идей, нахлынувшимъ въ деревню: съ коммунистической газетой, избой-читальной, спектаклями и революціонными пѣснями молодежи.

Сельское духовенство, въ общемъ, не пережило обновляющаго духа поры гонений. Робкое и забитое, не очень возвышаясь надъ средой, въ которой живетъ, оно не пытается вліять на нее, объединить оставшихся вѣрными церкви людей. Матеріально оно лишилось части своихъ доходовъ, но деревня все же обезпечиваетъ его, не въ примѣръ свѣтскимъ учителямъ. Когда одно время школы были переведены на мѣстныя средства, онѣ стали закрываться одна за другой. Уже соборъ 1917-1918 г. значительно усилилъ въ церкви вліяніе мірянъ. Большевитскій законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства отдалъ храмы въ руки приходскихъ общинъ, представляемыхъ выборной «двадцаткой». Этотъ органъ несетъ всецѣло заботы о

матеріальномъ содержаніи храма и отвѣтственъ за все, совершающееся въ немъ, онъ приглашаетъ и увольняетъ своихъ священнослужителей. И это не остается легальной фикціей. Епископская власть, утверждая выборъ общины, фактически сейчасъ почти никогда не оспариваетъ его. Священникъ сохраняетъ свое вліяніе въ приходѣ исключительно силою своего моральнаго и религіознаго авторитета. Въ вопросахъ церковной политики, а также строя богослуженія вліяніе мірянъ часто оказывается преобладающимъ. Отъ «двадцатки» зависитъ, отдать ли храмъ «живой» или патріаршей церкви, взять крайнюю или умѣренную тактическую линію. Замѣтимъ въ скобкахъ, что вліяніе мірянъ почти всегда оказывается консервативнымъ, и священникъ, переходящій къ «живцамъ» или «обновленцамъ», почти всегда вынужденъ добиваться отъ властей, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, роспуска двадцатки и перевыборовъ ея. Но это влечетъ за собою обыкновенно развалъ прихода и опустѣніе храма.

Нерѣдко опорой священника въ приходѣ являются братства и сестричества. Ихъ назначеніе двоякое. Забота о храмѣ, частая (иногда ночная) молитва, частое общее причащеніе — создаютъ изъ братства религіозную общину, иногда живущую весьма напряженной духовной жизнью. Но нельзя не упомянуть здѣсь и о тѣневыхъ сторонахъ братствъ; о преобладаніи въ нихъ личнаго начала, въ лицѣ священника, и о подчасъ нездоровой экзальтированности этихъ по преимуществу женскихъ организацій. Во время раскола многія изъ братствъ слѣпо увлекались за своими священниками въ живоцерковное движеніе, и это обстоятельство, кажется, охладило увлеченіе братствами.

За время заточенія патріарха, ссылки епископовъ и видимаго торжества «Живой церкви», въ связи съ отступничествомъ и шатаніемъ многихъ пастырей, іерархическое начало въ церкви было поколеблено. Каждый храмъ жилъ своей жизнью, не надѣясь на авторитетъ церковной власти, часто исполненный недовѣріемъ къ ней. Вѣрующіе сплывались вокругъ немногихъ оставшихся твердыми священниковъ, иногда уходившихъ въ «катакомбы», или прислушиваясь къ голосу «старцевъ». Слѣды этой приходской обособленности еще замѣтны. Границы епископской власти остаются неопредѣленными. Епископъ исповѣдникъ, іерархъ сильной воли и строгой жизни, можетъ твердо править церковью и рассчитывать на послушаніе. Но, какъ общее правило, власть епископата теперь ослаблена, за счетъ возросшаго вліянія священства и мірянъ. Этому не противорѣчитъ всюду растущая подъ вліяніемъ раскола потребность въ авторитетѣ и каноническомъ строѣ жизни. Духовный авторитетъ часто вѣситъ гораздо больше авторитета каноническаго. И въ этомъ отношеніи наше время переходнее. Многое придется пересматривать и перестраивать. Такъ, уже выяснились нѣкоторыя тѣневые стороны приходской демократіи. Раздаются справедливыя жалобы на то, что исключительное вліяніе мірянъ въ приходѣ иногда стѣсняетъ независимость пастыря. Въ двадцаткѣ какъ разъ наиболѣе вѣски

голоса матеріально зажиточной, но менѣ просвѣщенной, менѣ чуткой части общины. Увлекаясь внѣшнимъ благопѣиємъ и экономическими успѣхами, она иногда не способна оцѣнить моральную чистоту и духовную ревность пастыря.

Годы гоненій для русской церкви были порой ослабленія ея внѣшняго единства и спаянности. Фактически бывали времена, когда она никѣмъ не управлялась и не водилась, кромѣ Св. Духа, живущаго въ ней. И въ этомъ заключается, быть можетъ, величайшее чудо ея спасенія и ея неразрушимаго внутренняго единства. Не нужно переоцѣнивать, судя о Россіи, значеніе тѣхъ или иныхъ актовъ, исходящихъ даже изъ очень высокихъ іерархическихъ сферъ. Они приемяются и не приемяются, поскольку оказываются удовлетворяющими таинственно-скрытому сознанию. Патріархъ былъ живымъ сердцемъ въ Россіи, на немъ сосредоточилась любовь и молитвы всей церкви, и отсюда текла въ ней незримая благодатная сила. Но силы этой нельзя измѣрить и оцѣнить по актамъ патріаршаго управленія. При отсутствіи всякой свободы слова и затрудненности личнаго общенія, акты эти вызвали разную оцѣнку, смущали однихъ, оспаривались другими... Но никогда они не приводили къ кризисамъ и не колебали уваженія и любви къ тому, на кого смотрѣли, какъ на страдальца за всю русскую церковь. Заступникомъ-молитвенникомъ и вольной жертвой былъ патріархъ для Руси — болѣе чѣмъ вождемъ и руководителемъ ея, и то, что указанный имъ путь, при всѣхъ колебаніяхъ и признанныхъ ошибкахъ, былъ путемъ спасенія — въ этомъ нельзя не видѣть чудеснаго проявленія благодатныхъ силъ, не оставившихъ русскую церковь.

Каковы же тѣ духовные плоды, которые приносятъ видимо для всѣхъ — обь иныхъ судить не смѣю — русская церковь? Начну съ наиболѣе безспораго, бросающагося въ глаза. Совершенно наглядно изумительное цвѣтеніе культа, его ранѣ невиданная красота и строгость. Никогда не служили такъ торжественно и проникновенно, какъ нынѣ. И хотя тайна этой вновь явленной духовной красоты прежде всего въ глубокой вѣрѣ совершающаго таинство священника, но новый духъ захватилъ всѣхъ служителей храма, сдѣлалъ яснымъ и впечатляющимъ каждое слово чтеца, каждый возгласъ діакона. Почти во всѣхъ — даже маленькихъ — церквахъ прекрасный хоръ, хотя здѣсь любители строгой церковной музыки могли бы часто найти много поводовъ къ критикѣ. Молящіяся съ трудомъ покидаютъ храмъ и любятъ долгія стоянія, длящіяся нерѣдко по пяти часовъ, въ большіе праздники. Обновленіе культа, провозглашенное «живой церковью», пошло по пути возвращенія къ уставу, оживленія забытыхъ культовыхъ традицій. Въ поискахъ обогащенія культа сѣверъ заимствуетъ кое-что отъ православной Украйны. Такъ распространяются великопостныя «пассіи» и обнесенія плащаницы Богоматери на всеобщей подѣ Успеніе. Дѣлаются хотя и съ чрезвычайной осторожностью, опыты составленія новыхъ молитвъ, акафистовъ и чиновъ.

Но явно для всѣхъ живой смыслъ культа открывается въ евхаристіи — за об-

рядомъ таинство — и литургія, по внутреннему отношенію къ ней, для многихъ снова становится мистеріей. Святая чаша никогда не выносятся втунѣ: многіе приступаютъ къ ней, и всѣ соучаствуютъ въ ихъ радости. Говорятъ о «евхаристическомъ движеніи» въ русской церкви, гдѣ теперь даетъ свой плодъ дѣло о. Іоанна Кронштадскаго. Но еще нѣтъ единства въ практическомъ осуществленіи. Здѣсь поставленъ огромной важности вопросъ, и рѣшается онъ каждымъ пастыремъ и каждымъ міряниномъ по своему. Одни призываютъ причащаться часто, но требуютъ достойнаго приготовленія, другіе настаиваютъ на причащеніи за каждой литургіей. Есть вѣрующіе — немногіе, конечно — которые причащаются каждый день, другіе еженедѣльно, чаще всего въ большіе праздники. Труднѣйшій вопросъ объ исповѣди, связанный съ этимъ движеніемъ, рѣшается различно. Нѣкоторые практикуютъ общую исповѣдь, другіе — весьма немногіе — отдѣляя оба таинства, разрѣшаютъ приступать къ евхаристіи безъ исповѣди. Большинство сохраняетъ исповѣдь обязательную и тайную. Такъ уже въ этомъ центральномъ вопросѣ церковной жизни явствуется большая свобода, нынѣ господствующая въ ней и отсутствіе внѣшней регламентаціи.

Изъ храма, изъ культа исходитъ рядъ духовныхъ токовъ, которые питаютъ бытовую и домашнюю жизнь, — но эти личные и семейные плоды церковности съ трудомъ поддаются учету. Видишь среди многихъ возрожденіе православнаго быта, видишь иной разъ комнаты, превращенныя въ молельни, и квартиры въ обители. Въ шумѣ столицъ, среди чудовищной демонстраціи безбожія, теплятся очаги подвижничества. Домашняя молитва, нерѣдко совмѣстная, восполняетъ церковную.

Извѣстно, что по всей Россіи кощунственно уничтожались общенародныя святыни и монастыри. Но не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что это уничтоженіе не было ни послѣдовательно, ни повсѣмѣстнымъ. По прежнему лѣтами идутъ богомольцы пѣшкомъ въ обитель преп. Серафима или въ Кіевъ ко дню Успенія. Возникаютъ иногда и новые центры паломничества, какъ въ Подольской губерніи, гдѣ явленное распятіе послужило къ грандіозному движенію богомольцевъ съ крестами, водружаемыми вокругъ святого мѣста. Потребность въ чудѣ, жажда видѣнія небесныхъ тайнъ и сейчасъ очень сильна во всѣхъ слояхъ церковнаго общества, особенно же остро проявилась она въ годы гоненій и страшныхъ бѣдствій, постигшихъ родину. Тогда часто приходилось слышать о видѣніяхъ, пророчествахъ, чудесныхъ знаменіяхъ. Къ тому времени относится полоса обновленія иконъ и куполовъ, прошедшая по югу Россіи, и явленіе въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою иконы Державной Божьей Матери, символически воспріявшей корону послѣдняго русскаго царя.

Еще недавно хоронимое многими монашество воскресаетъ въ новой силѣ. Я уже говорилъ, что не всѣ старые монастыри закрыты. Они существуютъ кое-гдѣ въ видѣ трудовыхъ коммунъ, съ сильно сокращеннымъ числомъ иноковъ, — даже въ столицахъ.

Мѣстами это колоніи, доживающихъ свой вѣкъ инвалидовъ, хранителей объявленныхъ музейными цѣнностями святынь. Но мѣстами уже новая аскетическая жизнь наполняетъ старыя бытовыя формы, молодые послушники принимаютъ постригъ, не общающій теперь ничего, кромѣ страданій и распятія для міра. Но монастырь притягательный для многихъ, по бытовымъ условіямъ не вездѣ возможенъ. Аскетическій идеаль ищетъ для себя новыхъ путей. Въ міру создаются очаги аскетической, даже общинной жизни, въ разной степени руководимой церковнымъ авторитетомъ.

Нѣкоторыя изъ уцѣлѣвшихъ обитателей являются убѣжищемъ старцевъ, къ которымъ тянется вся Россія. И послѣ закрытія Оптиной пустыни старчество не угасло. Въ трудныя годы церкви старцы были ея подлинными водителями, указующими неясный часто путь въ обступившемъ мракѣ.

И старчество вышло изъ ограды монастырскихъ стѣнъ. Нѣкоторые священники въ городскихъ приходахъ — или лишенные революціей своихъ приходовъ — священники строгой жизни и богатаго духовнаго опыта являются настоящими старцами, авторитетными для широкихъ круговъ. Но здѣсь старчество уже не чувствительно переходитъ въ духовничество. Это тоже — въ распространенности своей — новое явленіе русской жизни. Вліяніе духовнаго отца не ограничивается таинствомъ исповѣди, но иногда, направляя всю жизнь во всѣхъ ея повседневныхъ тревогахъ, и трудностяхъ, превращая духовника въ «руководителя совѣсти».

Изъ всего этого ясно уже, что аскетическая и мистическая струя весьма замѣтна въ современныхъ религіозныхъ направленіяхъ. Сказывается она въ увлеченіи мірянъ древне-аскетической литературой, «Добротолубіемъ». Однако, это направленіе не является единственнымъ, не знаю даже преобладающимъ ли. Рядомъ съ нимъ осуществляется и дѣятельно-практическое христіанство разныхъ оттѣнковъ. Иногда оно носитъ характеръ православнаго «евангелизма», полагая во главу угла дѣятельную любовь, питаемую евангельскимъ идеаломъ. Въ современныхъ условіяхъ жизни, съ евангельскою любовью нерарзырывно связывается и возрожденіе апостольскаго идеала — проповѣди. Много встрѣчаешь людей, трогательно безкорыстныхъ, отдавшихъ себя всецѣло дѣлу спасенія братьевъ, сѣющихъ Слово Жизни и не пекущихся о завтрашнемъ днѣ.

И, наконецъ, среди христіанской интеллигенціи сильна потребность воплощенія христіанства въ практикѣ — не личной жизни, а общей культурной работы. Стоять вопросы — не новые, конечно, — о христіанизации культуры, о возможности или невозможности этого пути, о будущемъ церкви и судьбахъ теократіи. Здѣсь продолжается разработка темы, поставленной Владиміромъ Соловьевымъ и вышедшей изъ него русской богословской школой. Отвѣты даются, конечно, различные, какъ различны и настроенія: отъ апокалиптическаго ощущенія конца и парадоксальнаго отверженія всѣхъ проблемъ культуры до оптимистическаго пріятія новой — въ Рос-

сії созданной революціей — жизни, — какъ почвы для строительства новаго христіанскаго общества.

Если въ этихъ кругахъ живы интересы къ вопросамъ общественной и національной жизни, то для мистически ориентированной интеллигенціи характерны вопросы догматическаго богословія (напр. догматъ искупленія), проблемы связаннаго съ имяславчествомъ, которое, не волнуя уже церковь и не спускаясь въ массы, приобрѣло себѣ много приверженцевъ въ богослоски-авторитетныхъ кругахъ. Но интересы переплетаются. И мистики неизбежно должны опредѣлять, — хотя бы отрицательно — свое отношеніе къ культурѣ, и среди общественниковъ велико тяготѣніе къ догматическимъ и аскетическимъ проблемамъ.

Отъ жестокаго гнета христіанская мысль страдаетъ больше, чѣмъ христіанская жизнь. Слово сковано, и связь между людьми ограничена. Знаешь, что кто-то работаетъ, кто-то пишетъ, безъ надежды увидѣть напечатаннымъ свой трудъ. Отсюда огромное значеніе устнаго слова. Церковная кафедра, тоже не свободная, не можетъ удовлетворить этой потребности, хотя она даетъ не мало замѣчательныхъ проповѣдниковъ. Среди нихъ замѣтны тѣ же теченія, что и во всей церковной жизни, — разумѣется, вопросы морали и апологетики преобладаютъ. То, чего не даетъ общественное слово, замѣняетъ личное общеніе, достигшее въ современной Россіи необычайной напряженности. Общеніе въ словѣ связывается часто съ молитвеннымъ общеніемъ, отсутствіе научной организациі мысли восполняется ея высокой религіозной дѣйствительностью. Въ такой атмосферѣ идейныя расхожденія, и споры, иногда очень горячіе, рѣдко приводятъ къ разрывамъ, не препятствуютъ братскому общенію людей различныхъ взглядовъ. Жизнь въ церкви, гонимой, предъ лицомъ враговъ Христа и раскола, и постоянное общеніе въ культѣ и таинствахъ единятъ людей различнаго духа и направленій.

Не знаю, съумѣлъ ли я уловить основное и главное въ необычайной сложности нашей жизни, и особенно, съумѣлъ ли я показать ея единство, торжествующее сквозь противорѣчія. Неизбѣжно противорѣчивымъ должно представляться всякое мощное творчество, всякій бурный ростъ, еще не принявшіе твердыхъ, законченныхъ формъ. Въ свободѣ и огнѣ испытаній творятся эти формы, творятся — вѣримъ — Духомъ Святымъ, наполняющимъ, явно для всѣхъ, мученическую русскую церковь.

Н.